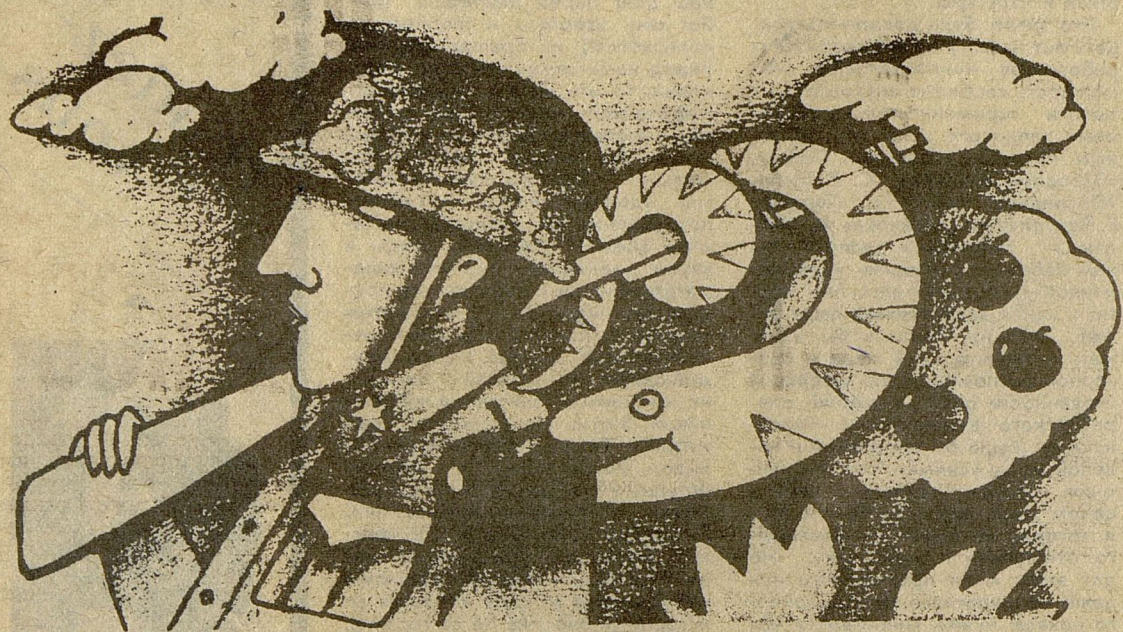

Гастроли в земном раю

Монолог Ильи Кормильцева

disegno di NADA PIZZAGLIA

В Сочи был фестиваль. «Рок-Олимп-92» из серии «собрать денег с курортников». ЧАИ-Ф. НАСТЯ, ВГ и мы (НАУТИЛУС.— И. С.). А поселили нас по ту сторону границы, в Багарепте, потому что по ту сторону границы все стоит (стонло.— И. С.) в 3—4 раза дешевле. Пусто. Боялись войны — и, как выяснилось, правильно. В гостинице «Абхазия» на 600 мест 40 человек. Море чистейшее. Вернулись дельфины. Чаек на пляже на порядок больше, чем людей. Килограмм персиков — 30 рублей.

А мы наслаждались несчастной собственностью родной партии, которая (собственность) постепенно приходит в упадок — в «Солнечном», доме отдыха Управления делами ЦК КПСС. Нет, на самой даче Сталина мы не жили, на ней жил только видный борец с тоталитаризмом товарищ Шахрин, а мы жили в пансионате. Представь: гора, на вершине горы стоит дача, которую Сталину еще Нестор Лакоба подарил, а под ней уже позже выстроено красивое 12-этажное здание, дом отдыха ЦК КПСС. А еще ниже, для совсем простого народа — пансионат, хорошие домики с горячей водой и др. удобствами, как то оздоровительный центр с двумя бассейнами, закрытым и открытым, с теннисными кортами. Все это простаивает. Пытались как-то напихивать нуворишами московского происхождения, но напихивано на 50 проц., не больше. Место в пансионате стоит 150 рублей в день. Питание рублей 70 — классная домашняя кухня, белые салфетки на столе, и ни одной мухи в столовой, что на юге очень сложно. Строй еще сохранился... Да, поскольку все это находится на горе, внутри горы установлен лифт (точнее, 4 лифта), который идет 2 с половиной минуты. А потом от шахты лифта туннель (метров 300) выводит к морю. Такой же туннель от пансионата, он проходит под сухумской дорогой.

Фестиваль кончился, но мы могли жить там до 16 августа. Но Игорь сказал: «Нечего здесь мужикам на пляже делать, надо деньги зарабатывать». И закатил какие-то дурацкие гастроли в Павлодар. Бабы, естественно, не захотели уезжать: «Мы будем дальше отдыхать и загорать». Все в результате благополучно улетели за день до войны, а я остался один с 6 женщинами на руках как красноармеец Сухов. И 14-го мы поехали в Гагры. Там открылся очень хороший частный ресторан. Называется, если перевести на русский, «Абхазский хлеб-соль». Не дежурный набор блюд для туриста, а национальная кухня без балды, лепешки на кислом молоке. Домашнее белое вино 10 руб. стакан.

Народ настроен про-Союзно с силой нутряного убеждения, которое может дать тебе только собственный кошелек. Рассуждение на самом обычном таксистском уровне такое: «Горбачев — подонок! Шеварднадзе — кровавый собака, слушай! Это рай на земле, другой места такого нет. Посмотри, как красиво, да? Солнце, шашлык, слушай, вино. Каждый ездил, никто не спрашивал, какой язык. Раньше я еду, ГАИ останавливает, вежливо на русский: «Стой, куда

едешь, дорогой, что с тобой случилось?» Сейчас я ему говорю, он говорит: «Я тебя не понимаю». Грузинский власть будет, никто ездить отдыхать не будет». Вот откуда вырос феномен Ардзинбы. Из совершенно здорового экономического расчета. Дальний приезд Ардзинбы как раз и был на то, чтобы через федерацию-конфедерацию перестройка, они должны Горбачеву послать каждый по бочонку домашнего вина. Хотя они его и называют подонком, и есть за что — все равно по бочонку нужно послать. Ты давно не был в Абхазии? Новые дома — это Тоскана. Или испанское побережье. Это виллы, построенные за последние 4—5 лет, иногда 3-этажные, совершенно европейские с садами и со статуями. Как только их немножко отпустили из-под прессинга, они невероятно развернулись. На сочинском побережье такого нет.

Собрались обратно — ни одной машины на шоссе. Потом абхазский патруль: «Документы!» А у нас один паспорт на всю компанию. Сказали, что мы здесь отдыхаем. «Слушай, зачем ездили в Гагры?» — «Ну ресторан такой хороший...» — «Какой ресторан? — Война!» Короче говоря, отпустили нас. Приехали, переночевали, утром пытались включить что-то, узнать, что происходит. По российскому ничего понять невозможно. Как говорят таксисты, которые все знают: «Газеты не читай, Москва не слушай — главный поджигатель!» До обеда ничего не происходит, кроме того, что перестали ходить поезда. Пошли на пляж. Там был катер, которым командовал толстый мегрел и за 75 рублей в час возил всех желающих куда угодно, от Пицунды до Леселидзе. Я спрашивал: «А в Турцию?» Он говорит: «Нет, в Турцию нельзя — там пограничники... А сколько?» В этот день после обеда поехала кататься компания грузин-шашлычников. У них мясо кончилось, они последние шашлыки сделали себе, нагрузились пивом, девки взяли и уехали куда-то нырять. Дальше происходит следующее. Вылетает на берег, прямо вылезает на своих крыльях катер. И оттуда все вместе с пивом враспылку: «Уходите с пляжа! Уходите!» Что случилось? А случилось то, что они отъехали от берега и напоролась на передовой отряд наступающей госсветовской эскадры. Который, увидев катер по курсу, по ним пальнул для острастки. Народ вскопился, ничего не понимает. Почему надо уходить с пляжа? Пока народ озирается, корабли приблизились — и дали приветственную очередь. Хотя стреляли километром с пяти, народ (в военном деле не смекалистый) сразу сделал вывод, что раз самая важная вещь во Вселенной — это я, то и стреляют, естественно, по мне, и кинулся бежать с пляжа. А я стоял в это время на дороге и покупал вино у бабки-абхазки. И вдруг увидел эту толпу, человек 250, которая бежит — молча, пыхтя, прихватив самое ценное, что им пригрезилось в этот момент. Например, государственный лежак. Фантастическая московская

парочка. Она — два метра с лишним. Он — метр пятьдесят. Похожий на медузу-сифонофору, весь колышущийся, вот с таким брюхом и с патронташем на брюхе, в тапочках. Плюс сын голубой балетной внешности говорит на бегу: «Папочка! Дай мне ключ от номера, мне надо идти на дискотеку, я хочу одеть джинсы и казачок». Плюс собака сенбернар Тосик, у которого от старости парализованы задние лапки и которого повезли на море лечить морскими купаниями. И вокруг три референтика. Это все какое-то совместное советско-швейцарское предприятие. И вот представь себе: она — 2.10, он — 1.50, несут Тосика под мышки. Зрелище, которое я не забуду до конца жизни. На следующий день они пытались дозвониться до Москвы, потому что Москва была единственным местом, куда можно было дозвониться, даже с Сочи не было связи. Он (муж) пытался что-то объяснить, а она вырывала у него трубку и кричала: «Валечка! Валечка! Тут на пляже стреляют, и нас не пускают купать Тосика! Была ли дома бригада? А цемент залила? Проверь, чтобы залили хорошо. Телефон в спальню комнате включи и переключи его на ту розетку, которая от факса. А Петеньке скажи, чтоб он поехал на дачку и пока жил там и поливал цветочки! Что — не хочет? Его Сашенька уволит!»

Потом пришел звонить еще молодой человек с усиками, стал вести патристические разговоры: «Нас Рудкой в беде не оставит! Громов нас в беде не оставит! Громов сказал, что каждый российский гражданин будет защищен. И нас вывезут! Корабли-ми!» «Извините, — я ему говорю, — российские граждане бывают разного сорта. Высший, может быть, и вывезут на кораблях». «Ну мы-то с вами можем надеяться, что относимся никак не меньше, чем ко второму сорту!» — сказал с гордостью замечательный человек с усиками.

Все мы знаем цену статистике, которая, например, утверждает, что в Абхазии живут 250 тысяч грузин. Из этих 250 тысяч 50 грузин, а остальные мегрелы. Грузины их считают грузинами. С тем же успехом мы, например, можем считать белорусов русскими. Но в данном случае важно не то, что слонопатам думает о Пятчке, а то, что Пятточка думает о слонопатах. В Абхазии, где живут шесть национальных общин (абхазы, русские, мегрелы, грузины, армяне, греки) — какой язык, кроме русского, может быть государственным? Все остальное нереально. Так что это не тот случай, что в Карабахе. И можно сколько угодно называть Ардзинбу деятелем группы «Союз», но будь он деятелем хоть «Демроссии», хоть Национального Собора, он не мог выбрать другой государственный язык для этой страны, потому что он там естествен и обычен. (Причем ее даже нельзя разрезать по территориям, там через село живут: село — греки, село — армяне, село — абхазы...).

Но силы слишком неравны, потому что армию подарили не Ардзинбе. А у абхазов были только старые штроблеты, наскоро пошитые маскировочные костюмы да охотничьи двухстволки. У кого-то еще штык-нож в зубах. Страшно, но неэффективно. Десантом, следовавшим 15 авгу-

ста, руководил — был главным его консультантом — полковник СНГ на действительной службе. К сожалению, не знаю его фамилии. А штабом абхазской гвардии до 15 числа руководил подполковник СНГ на действительной службе. А 15-го он перешел границу у Леселидзе (об этом нам рассказывали российские десантники, которые там стояли), и встречали его с другой стороны МБР и особысты. Посадили на машину и увезли на дачу в Сочи.

Очевидно, он выполнил свой воинский долг. Ситуация идиотская. Грузины высаживаются в Леселидзе и в Гангиди, чтобы перекрыть контакты абхазов с казаками и русскими войсками, чтобы никакие танки не прошли по шоссе — само по себе, конечно, логично, если допустить хоть 10 проц. вероятности, что Россия будет принимать участие в этом конфликте. В то же время, когда они с моря высаживают десант, то всю эту высадку прикрывают... ну не прикрывают, потому что какая им может быть с берега угроза? — а скорее наблюдают, выстроившись по всем точкам десантирования, сторожевики из Веселого, из погранотряда. Причем они появляются раньше, чем корабли десанта. Может, они их на радаре увидели, не буду строить предположений, но вся высадка проходит при свидетельстве погранвойск России, которые стоят в территориальных водах Грузии.

Бредовость усугубляется тем, что замечательная «Мхедриони» — это армия, лишенная тыловых частей и провиантской службы как таковой. Поэтому самоснабжение происходит по классическому принципу средневековых войн. То есть берется город, подавляется сопротивление, следующий объект атаки — продовольственные магазины. В Гангиди, как только отогнали абхазов, сразу же бросились к магазину с криками «Ура!», забрали всю водку, сгущенку и сахар на нужды армии. Опытные люди, которые там живут, — знаешь, какое у них первое движение, когда они слышат выстрелы? Они бегут к своей машине, сливают бензин и выкручивают свечи. Потому что, как правило, скоро появляется отряд в три бодрых человека с автоматами, перемотанными цветной изолентой. — «Слушай, машин нужна, пошел вон!» Поехали. Может, им нужно просто покататься. Может, их ротный командир послал чего-нибудь узнать. Поскольку своих средств передвижения у них нет, используют подвернувшиеся — как раньше забирали лошадь. А московские новости сообщали каждый день: «Войска Госсвета не собираются продвигаться дальше Гали... войска Госсвета не собираются продвигаться дальше Очамчиры... не собираются продвигаться дальше Сухума». Я думаю, что все зависело от полученной суммы. При определенном количестве денег было бы: «войска Госсвета не собираются продвигаться дальше Подольска». Дезинформация была организована блестяще. Какая выгода России? Никакой. Правительство России — это еще не Россия. России от этого есть только прямая убыток и наметившаяся перспектива потери Северного Кавказа вообще. Но об этом надо немножко думать головой, а не только считать бабли в кармане и шмудак дома. Это на низком

уровне. А на высоком уровне — не просто слушать грубую лезть. Есть разные уровни: уровень прапорщика, который говорит: «Поставь мне два ящика водки, и я не вижу, как бы увел танк». Есть уровень повыше, на котором, конечно, никто не платит денег в конверте, а вместо этого раздаются добрые слова, красивые обещания. Аналитические документы, соответствующим образом подготовленные. Нам трудно понять, зачем это все было нужно. Может, просто партию в теннис хорошо сыграли, хрен его знает. Видимо, есть идиоты, а есть русские политики — это страшнее, чем идиоты. Идиот — это нулевой уровень сознания, а здесь мы имеем дело с отрицательным уровнем.

Итак, стою я, покупаю вино. В это время на шоссе, где давно уже нет никаких машин, появляется, визжа тормозами, машина... (фамилия опущена. — И. С.) грузина, но я еще не слышал столько 8-этажного мата, группирующегося вокруг фамилии Шеварднадзе, как от этого грузина. Он, увидев бабок, которые разложили сыр, вино, персики и прочее, закричал: «Уходите! Убирайтесь, убирайтесь!» И внезапно из поселка появилась кавалькада машин (их затьев и детей), которые их подвозили обычно. Все бегут, двери закрывают. Мы пошли на смотровую площадку. А корабль российский стоит — я только удивился, как их много в этот день. С утра еще стоят. Тут появляется торжественно, как на параде, великая флотилия. Потийский погранотряд, который наши им передали. Два сторожевика и еще какое-то судно. А собственнo десант ехал на подводных крыльях, они перехватили что-то типа «Метеора» и человек 150 туда напихали. При всем моем малом понимании морского дела я сразу понял, что они — вторые в мире моряки, все время пытались сыграть в «Адмирала Нахимова», выбирая самые дикие галсы. Но они приближались к берегу — серые такие военные кораблики. Время от времени с них раздавалось «пых-пых», «тратата». Тут затрещал вертолет. Залетел со стороны залива. Оказывается, он сбросил на даче Сталина несколько человек с пулеметом, развернулся на Гантиади, пухнул, ракетами — три или четыре раза — по горотделу милиции. Сразу поднялся дым. Потом пошел вперед глассер. С берега раздался выстрел в ответ. Энтузиазм штурма был, видимо, так велик, что с глассера сошли все, включая капитана, и он минут сорок еще крутился по бухте, около него колдовали сторожевики и наконец оттащили. Поляки достали видео, поставили на штатив в надежде когда-нибудь кому-нибудь загнать. Вдруг топот ног — появляется толпа абхазов. Бегут со стороны Гантиади через территорию пансионата, в оборванном виде, больше с двухстволками, один автомат на четверых. У одного в зубах штык-нож зажат, у одного в руке граната. Пытались машины забрать, чтобы отехать в сторону Гагры, но местные жители опытные, все свинтили. Отвратили в ту сторону. Перестрелка кончилась, какие-то одиночные выстрелы. Потом начали появляться местные из obsługi. Наш классный повар — Илюха, который в армию был забран и через 2 дня сбежал. Сказал, что ему больше нравится у плиты стоять. Непатриотический оказался товарищ, но готовил совершенно замечательное харчо. «Чего там в Гантиади?» — «Дорогу они заняли». Народу положили достаточно много. Магазины ограбили. Кого положили? Ну бабка вышла козу покормить. Бабки нет. Десант — он идет и стреляет в белый свет. На всякий случай. Вдруг там кто-нибудь с ружьем стоит.

Что делать дальше? Сверху сообщили, что высажен десант с пулеметом. По телевизору рассказывают про спокойствие в Сухуми и что ведутся переговоры о выводе войск Госсовета. В баре раскупили все запасы спиртного — это первый признак войны, потому что, когда начинается война, первым делом кидаются покупать не хлеб, а водку. А вечером приехало «Мхедриони» — посмотреть на нас. Вальяжное, пьяное, с белыми повязками на головах. Автоматы. По 8—10—12—14 рожков, закрученных изолентой. Дата Туташкиа. Абреки. Девчонки выскочили: «Что вы тут воюете? Нас на пляж не пускают» — «Девушки, хороший. Главное, не беспокойся, не уезжай. Солнце, море, шаш-

лык, только не уезжай — отдыхай. Сейчас достреляем — снова порядок будет, снова отдыхать будем». Повыдрочивались с автоматами перед бабами.

Ночью в 4 часа — топот. Остатки абхазских сил с ранеными прошли в сторону Гагры — человек 150.

На следующий день примчался из Павлодара Бутусов. В Сочи его встретил с выпученными глазами организатор фестиваля и, ни слова не говоря, посадил на машину и повез. Слава увидел на границе скопление бронетехники и барражирующие вертолеты, начал тихо пухнуть. Переехал на ту сторону, а там трупы еще не убрали, они лежали на обочине, закиданные кукурузной соломой, «Мхедриони» все бродило вдоль дороги, останавливало машину и, увидев Славину рожу (этнически подозрительную), начинало обманывать. 4 раза обыскивали. Наконец, он приехал: «Девчонки-то где?!» — «На пляже купаются». Потом мы пытались выехать, но в автобус сесть не смогли, потому что туда садились три московские группы, а они были хуже и абхазов, и «Мхедриони». Били детей чемоданами по головам и т. п. Можно было при посадке погубнуть значительно быстрее. Нанять машину — но никто не хочет ехать. Потому что вдоль дороги снайперы стреляли по машинам, 15—20 сгоревших машин валялись вдоль дороги на Леселидзе. В Леселидзе большой бой шел часов двенадцать. Много убитых. Наши там сразу поставили десантников, и, когда абхазы пытались через Псоу перебраться в Россию, десантникам был дан приказ вести предупредительный огонь. По абхазам. Что они и делали. Еще были там замечательные казаки (которые до этого останавливали на границе всех абхазов и грузин с товаром). Раньше мы с ними ругались каждый вечер, возвращаясь с концерта. У нас же в группе ленинградцы. Останавливает нас ночью такой с усиками, франтоватый, в орденах, с лампасами, с нагайкой. «Господа, ваши документы».

«Я, Гога из «НАУТИЛУСА». Знаешь такое?» — «Нет, не знаю. Не имею чести знать. Я музыку не слушаю. Нам некогда, господа, мы родину защищаем». Так вот, казаки исчезли при первой же очереди.

Что будет дальше? Если будут какие-то попытки переговоров — не знаю. А если война, то грузины вышибут абхазов из Гудауты рано или поздно. Займут все побережье, будут контролировать стратегическую сухопутную дорогу. А в горы они не войдут никогда. Выше уровня 250 м все будет абхазское. Потому что там всякие методы современной войны бессмысленны, бронетехника не нужна, и выигрывает тот, кто лучше знает родные горы, кто их больше любит. Если российские войска будут реально блокировать перевалы, они дождутся того, что горцы станут стрелять в них. Что дальше — уже трудно предсказать.

В Свердловске Нефедов у меня спросил: «Они — абхазы — больше похожи на армию или на вооруженных крестьян?» Я сказал: «На вооруженных крестьян». — «Тогда они будут стоять до последнего». Потому что у армии есть предел сопротивления. У крестьянина нет предела сопротивления. Только его жизнь.

Наконец нашли мы какого-то грузина с машиной, но он говорит: «Не поеду! Какие хочешь деньги давай — не поеду. Машину жалко». Тут приехал опять патруль мхедрионцев, вышли вперед Анжелика и Ольга, закричали: «Ах, какой у вас красивый автомат! Да нам бы только уехать! У нас дети малые». Главный тогда подошел к водителю, говорит: «Поезжай, не бойся. Я впереди поеду». Они поехали впереди на «Жигулях», мы на старой «Волге». Нас было 12 человек, потому что прибилась еще куча местных, в том числе патристически настроенный грузин, который все время повторял: «Теперь здесь будет спокойно! Ведь это все грузинская земля!» Я в полемику с ним не вступал по понятным причинам. К тому же ему было 17 лет, а в этом возрасте простительны такие наивные заблуждения — что земля может быть грузинская, русская, немецкая или чья-то еще.

Записал
третий Илья (СМИРНОВ).